

УДК 348.71

А. И. Лысюк

ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Исторически в любом обществе религиозный и политический факторы тесно переплетены. Их взаимосвязь осуществляется преимущественно на двух уровнях: (1) в пространстве мотивированности политической практики социальных субъектов религиозными ценностями и (2) как взаимодействие церкви и политических институтов (государства и политических партий).

Мотивация политического поведения религиозными ценностями зависит от степени их включенности в систему детерминант жизнедеятельности человека, что, в свою очередь, можно определить по двум параметрам. Во-первых, показателем количественным - долей граждан того или иного государства, заявивших о факте своего религиозного выбора. Во-вторых, показателем качественным, свидетельствующим о детерминирующей силе религиозных мотивов.

Результаты социологических опросов последних лет свидетельствуют о том, что для современной Беларуси характерна тенденция уменьшения числа атеистов при одновременном увеличении числа верующих людей. «Если в ноябре 1989 г. к числу атеистов относилось себя 65%, то в сентябре 1994 г. их было уже только 35,2%... Среди респондентов значительно увеличилось число верующих - с 22% в 1989 г. до 43,4% в 1994 г.» [2, 319]. В 1998 г. число верующих в Бога достигло 48% [3, 94]. В последующие годы, однако, деатеизации общества приостановилась.

Что касается конфессиональных предпочтений граждан Беларуси, то здесь безусловное лидерство сохраняет православие. Большинство населения, таким образом, являются либо атеистами, либо православными. Однако, учитывая тот факт, что доля православных, в полной мере соблюдающих религиозные обряды (посещение церкви, исповедь, чтение Библии и пр.), согласно различных исследований, колеблется от 3% до 6%, а также недавнее атеистическое прошлое большинства из них, создается ситуация, когда между православными и атеистами в политическом пространстве нет непроходимых границ. Для большинства первых религиозность ограничивается участием в формализованных ритуалах. Вторые видят в православии духовный заменитель коммунистических идей, тем более, что отдельные идеологические константы БПЦ (русофилия, антизападничество, освящение авторитарной власти) идеологически являются близкими этим идеям. Персонафикация А. Лукашенко идеологемы «православного атеизма» соответствует, следовательно, базовым конструкциям сознания большинства граждан Беларуси.

Что же касается качественных показателей, характеризующих глубину религиозной веры, то здесь можно сослаться на исследование (1998 г.), проведенное Общественным объединением «Логос», имевшее целью выяснить, насколько люди при-

нимают христианские ценности и руководствуются ими в своей жизни. Жителям Брестской области был задан ряд вопросов, касающихся их отношения к Богу и различным оккультным явлениям (вещим снам, гороскопам, хиромантии, магии, заговорам и пр.). Их анализ позволил нам увидеть то, как представлен в сознании человека невидимый, но оказывающий на нас огромное влияние, мир, существование которого издавна представлено в человеческой культуре в таких понятиях как «судьба», «интуиция», «ангел-хранитель» и т.п., и в какой степени этот мир определяет нашу жизнедеятельность.

Первая группа людей условно может быть названа «прагматиками» (10% от числа всех опрошенных). Они не верят «ни в Бога, ни в черта», и стремятся каждому таинственному явлению, которое встречается в их жизни, найти разумное естественнонаучное объяснение. Для них существует только видимый мир, познаваемый с помощью органов чувств и мышления. В сфере политики они ориентируются исключительно на потребности и интересы, а религиозный аспект политической деятельности выступает для них как заблуждение.

15,6% людей, составляющих вторую группу, не верят в существование Бога и не стремятся жить в соответствии с Его заповедями, однако считают себя православными и по большим религиозным праздникам или в случае необходимости (венчание, отпевание, крещение) посещают церковь. Вместе с тем они верят в вещие сны, гороскопы, экстрасенсов, потусторонние силы, и эта вера оказывает определенное влияние на их поведение. У них тезис о православном атеизме не вызывает раздражения, и потенциально они восприимчивы к политической идоломании.

Еще 7,5% опрошенных отличаются от только что описанных тем, что стремятся жить по библейским заповедям, считая, вероятно, что добрые дела каким-то образом повлияют на их судьбу. И хотя они отрицают у себя веру в Бога, однако довольно часто среди таких людей можно услышать, что они вершат дела, угодные Богу, и благодаря этому могут попасть в рай.

Наиболее многочисленную группу (61,2%) составляют люди, которые верят во все: и в Бога, и в дьявола. Вероятно, они чувствуют, что далеко не все зависит от их усилий, что часто человек оказывается игрушкой в руках неведомых ему сил. Однако что это за силы, люди не стремятся узнать. Об этом говорит хотя бы тот факт, что большинство из них (75%) либо вообще не читают Библию, либо делают это один или несколько раз в год. Эта группа людей склонна в политическом пространстве свою личностную слабость и социальную беспомощность преодолевать посредством сакрализации определенной политической персоны.

Самую малочисленную группу (5,6%) составляют люди, которых можно назвать истинно верующими в Бога, то есть эти люди (независимо от конфессии) регулярно читают Библию, стремятся жить в соответствии с ней и отвергают любое обращение к иным силам, кроме Бога. Только у этой группы верующих религиозные соображения потенциально могут мотивировать их политическое поведение.

Насколько религиозные мотивы определяют политическое поведение современных политических лидеров Беларуси?

Деятельность политических лидеров, как правило, полимотивирована, включая в себя широкий спектр как иррациональных, так и рациональных побуждений к дея-

тельности. Важное место в системе их мотивов занимают как культурологическая составляющая, укорененная в религиозную традицию, так и само религиозное мировосприятие.

В зависимости от конфессиональных приоритетов, личных отношений политика с Богом религиозная мотивация обладает различным содержанием и детерминирующим потенциалом. Абстрагируясь в данном случае от отдельных политических персон, можно выделить несколько типичных мотиваций, задаваемых интериоризированной христианской парадигмой. Во-первых, речь идет о мотиве служения. «Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются// а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий» (Лук. 22;25-26).

Во-вторых, ориентация политической деятельности лидера на общее благо, на «добро», естественным образом сопровождается как борьбой с собственными «похотями», так и стреноживанием личностной «гордыни». «И чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно// чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его» (Второзак. 17;17).

В-третьих, важнейшим мотивом политического лидера может являться деятельная любовь, понимаемая как ориентация ресурсов власти на «заботу о ближнем», как ответственность за людей, солидарность с ними. Этот мотив основан на сочувствии, сопереживании страданиям других людей и предполагает рождение актуальной задачи – «снять» напряжения между несовершенством мира и достоинством человека.

В-четвертых, для политических лидеров может быть характерно непосредственное обращение к личности Бога и Священному Писанию. Они нацелены на «вопроснение» о воле Божьей и следование ей. «Это означает, - отмечает Кюннет, - что государственный лидер сознателен в своей ответственности перед Богом. Он понимает свою должность как поручение в рамках сохранения Божественного порядка... Для него является серьезной задачей, слыша Библейской слово откровения, обнаруживать следы Бога в истории, вопрошать относительно воли Божьей и следовать ей» [4, 405-406]. Данная мотивационная стратегия редко встречается в современной политике, отдельные ее фрагменты можно встретить только у лидеров, представляющих страны с преобладанием протестантского населения. Среди современных белорусских политиков подобная мотивация присуща двум политикам: З.Позняку, провозгласившему «Не колбасу должны искать, а Бога», и П. Северинцу, считающему, что «именно подъем традиционных и евангельских христианских потоков... широчайшее распространение библейской морали даст нам основание социального и культурного Возрождения... Этот духовный императив лучше всего предстает в формуле «БЕЛОРУСКАЯ ФОРМА – ХРИСТИАНСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ» [5, 38].

Кроме этого, политик, ориентирующийся на Бога, осознает себя объектом дьявольских атак. Его задачей является преодоление искушений, связанных с осуществлением власти. В этом отношении для него своеобразным эталоном может быть фигура Моисея. И, безусловно, политик подобного рода не только сам является верующим христианином, но и берет на себя миссию способствовать укреплению религиозности социума.

В-пятых, важное место в системе мотивов лидеров занимает нравственная составляющая, питающаяся соответствующими религиозными догматами. Политический лидер, если следовать логике М. Вебера, с необходимостью должен сделать выбор, какой из двух «этик» ему следовать – «этике убеждения» или «этике ответственности».

В-шестых, политический лидер должен четко осознавать пределы собственной политической власти, ни в коем случае не претендуя на власть над душами людей, на контроль за жизнью личности и семьи.

В-седьмых, принципиальным моментом властвования христианского лидера является обязательное следование закону. «Царь правосудием утверждает землю» (Пр., 29;4). Это не только ограничивает его политическую гордыню, но и является обязательным условием выполнения им как политической, так и духовной миссии.

В конечном счете, мотивация христианского политического лидера радикально отличается от мотивации иных лидеров, поскольку ее основание составляют ориентации нематериального и нестатусного порядка.

Каковы же конкретные способы взаимодействия основных религиозных конфессий современной Беларуси с политическими институтами?

Современные белорусские церкви при всем стремлении к автономности существования испытывают на себе сильное воздействие государственных институтов. Основной причиной подобного положения вещей является историческая традиция, в рамках которой церковная жизнь была сильно зависима от политических институтов, вплоть до того, что отдельные церкви насильственно государством ликвидировались (пример греко-католической церкви), или же их внутренняя деятельность находилась под тотальным контролем (эпоха Советского Союза).

Господствующее положение православной церкви в Беларуси имеет глубокие корни как естественно-исторического характера, так и явилось плодом целенаправленной политики российского государства и коммунистического режима. Последний, осуществляя политику тотальной атеизации общества, вместе с тем, хоть и признавал за православием «зло», но считал его за наименьшее среди прочих конфессий, которое к тому же легко можно «сдерживать и контролировать», благодаря как иерархическому построению православной церкви, так и ее доктрине лояльного сотрудничества с Советской властью.

После обретения Беларусью государственного суверенитета церковное развитие в стране существенным образом обуславливалось особенностями эволюции политического режима. Этап парламентской демократии стимулировал своеобразный религиозный ренессанс, выступавший как: а/ общее увеличение числа верующих; б/ становление религиозного плюрализма; в/ выход из подполья протестантских церквей; г/ возрождение греко-католических общин; д/ активизация деятельности римско-католической церкви; е/ передача церквям культовых зданий; ж/ провозглашение юридического равенства конфессий. Кроме этого, в это время резко интенсифицировались международные контакты белорусских церквей.

Политические трансформации, начавшиеся после первых президентских выборов и приведшие к установлению левоавторитарного режима, изменили политическую «среду обитания» белорусских церквей. В первую очередь это проявилось в созда-

нии тесного союза государственного лидера и православной церкви. Эти «союзнические отношения» в немалой степени основывались на идеологическом сродстве, на неприятии западных ценностей, а также на подозрительном отношении к католицизму и протестантизму. Кроме этого, А. Лукашенко и православную церковь объединяют известный нигилизм относительно идеи национального возрождения, равно как и позиция закрепления в белорусском обществе за православием особой миссии.

Особую интимность отношениям правящего режима и БПЦ придает исповедание последней по отношению к государственной власти и ее лидеру («ибо нет власти не от Бога...») принципа подданничества, что объективно способствует усилению в Беларуси авторитарных тенденций. И, наконец, тесный союз государства и православной церкви обусловлен стремлением обеих сторон извлечь из него меркантильные выгоды - религиозная легитимация политической власти и политическая лояльность обмениваются на государственную поддержку. Тем более, что БПЦ обладает важным электоральным ресурсом – согласно данным НИСЭПИ, православной церкви в РБ доверяют почти две трети (61,5%) белорусов [6, 16].

Все эти факторы создали для православной церкви режим «наибольшего благоприятствования», что, в частности, проявилось в получении а/ налоговых льгот, прямых государственных дотаций, а также снижении таможенных пошлин; б/ имущественных преференций - возвращении ранее отобраанных храмов, в том числе и принадлежащих другим конфессиям; в/ правовых преференций, т.е. юридического закрепления особого статуса православной церкви при одновременном ограничении деятельности других конфессий; г/ коммуникационных преференций, т.е. предоставлении в распоряжение православной церкви мощных информационных ресурсов; д/ политических преференций, т.е. признание, пусть с оговорками, за православием статуса государственной церкви.

Политические факторы сыграли важную роль в возрождении в Беларуси греко-католической церкви. Государственный суверенитет, демократизация общества, национально-культурное возрождение с неизбежностью не только сняли «табу» с темы униатской церкви в Беларуси, но и позволили воссоздать ее церковные общины.

В настоящее время греко-католическая церковь Беларуси является духовным символом белорусской национально-демократической оппозиции. Именно сторонники этого политического направления являются наиболее активными членами униатских общин. Чаще всего это люди в возрасте до 40 лет, горожане с высшим образованием, говорящие на белорусском языке, ориентированные на ценности национального возрождения и составляющие радикальную оппозицию существующему политическому режиму.

Политическая ангажированность и активность членов греко-католических общин способствовали превращению церкви в политическую составляющую белорусской оппозиции, что не могло не вызвать соответствующую реакцию со стороны государственных структур. Вследствие этого церковь оказалась под жестким государственным прессингом. Ей не возвращаются захваченные государством либо православной церковью храмы, создаются сложности с регистрацией общин, не разрешается возведение новых церковных храмов, ограничивается допуск священнослужителей из-за границы, блокируется доступ к государственным информационным каналам.

Чрезмерная политизация церковной деятельности с неизбежностью, однако, ослабляет ее внутреннюю силу, поскольку в центре внимания оказывается решение светских, а не духовных проблем. Поэтому неудивительно, что снижение политического авторитета БНФ негативно сказалось на развитии униатских общин.

Политические факторы оказали существенное влияние и на возрождение римско-католической церкви. Ее деятельность на территории Беларуси исторически была ослаблена проправославной политикой российского государства и атеизмом советского режима. После краха коммунизма католичество стало возрождаться преимущественно как религия этнического меньшинства - поляков. В силу специфики политико-идеологических ориентаций белорусский левоавторитарный режим относится к католицизму с высокой долей подозрения ввиду ее ориентации «на Запад», «польского» характера, подозрений в духовной экспансии, неподконтрольности государственным структурам, отсутствии неформальных связей с региональной элитой.

Несмотря на все это, позиции римско-католической церкви в РБ в целом усиливаются, чему благоприятствуют международный авторитет и ресурсы Ватикана, массовость и социальная активность прихожан, «современность» церкви в глазах общественного мнения, привлекательность образа Польши в глазах значительной части населения Беларуси. Кроме этого, на имидже церкви позитивно сказывается и позиция принципиального невмешательства в политический процесс, то, что она не связана ни с каким политическим движением страны. Как следствие этого, согласно данным НИСЭПИ, католической церкви в Беларуси доверяет приблизительно треть опрошенных (33,6%) [7, 16].

Радикальным образом изменение политического климата в стране затронуло деятельность протестантских общин, поскольку в коммунистическую эпоху их члены подвергались наибольшему гонению, что проявлялось не только в трудностях осуществления религиозной практики, но и в арестах и обысках, «запретах на профессию», ограничениях в получении высшего образования и карьерного роста и т.д. В общественное сознание внедрялся стереотип о сектантстве протестантов, чужеродности их происхождения, «крамольных» связях с Западом и ЦРУ и т.п.

Настоящий ренессанс протестантских общин произошел в первой половине 90-х гг. Резко возросла их численность. Началось активное строительство молитвенных домов. Появились первые учебные заведения. Вырос образовательный уровень прихожан. Однако, начиная с 1996 г., государство начало проводить негласную политику ограничения деятельности протестантских церквей в целом по тем же причинам, что и католических. В этих условиях протестанты заняли по отношению к государству три позиции.

Наиболее ортодоксальная и вместе с тем и возрастная их часть не сумела преодолеть исторический негативизм по отношению к государственной власти и заняла по отношению к ней позицию отчуждения, рассматривая ее как царство «князя тьмы».

Некоторая, наиболее экономически активная часть протестантов, пошла на контакт с государственной властью ради получения экономических преференций. При этом, правда, жестко разграничивались духовная жизнь и жизнь социальная.

В последнее время в белорусском протестантизме, особенно в ее молодежной среде, начала пробивать дорогу тенденция активного участия в политической жизни. Обоснованием этой позиции явилась как апелляция к политическому опыту своих конфессиональных собратьев на Западе, так и обращение к соответствующим Библейским текстам, предполагающим ответственность верующих не только за собственную духовную жизнь, но и за окружающий их социополитический мир. Как следствие этого, на последних парламентских выборах в Беларуси за депутатские мандаты боролось 11 протестантов.

Однако возможности протестантов ограничены. И по причине их малочисленности. И потому, что, согласно прошлогоднего опроса НИСЭПИ, протестантским церквям доверяют только 12,5% опрошенных [8, 16].

Дальнейшее влияние религиозного фактора на белорусскую политику будет определяться преимущественно двумя факторами. С одной стороны, динамикой религиозности в стране, рост которой с неизбежностью сделает граждан страны более свободными и независимыми от политических властей. С другой стороны, особенностями конфессионального развития. Сохранение господствующего положения православия будет способствовать консервации подданнической политической культуры, авторитарности мышления и политической власти. Со своей стороны, динамичное развитие католицизма и протестантизма объективно будет способствовать либерализации общественной жизни в Беларуси.

Список литературы

1. Библия
2. Завальнюк В.М., Новицкий В.И. Рэлігія ў сучасным беларускім грамадстве// Канфесіі на Беларусі. - Мн. - 1998.
3. Новикова Л.Г. Основные характеристики динамики религиозности населения Республики Беларусь// Социологические исследования. - 1998, № 9.
4. Künne W. Politik zwischen Dämon und Gott. - Berlin, 1954.
5. Северинец П. Беларусь у маладосьці// Материалы Международной научно-практической конференции «Роль молодежи в формировании гражданского общества в Беларуси». - Мн. - 1999.
6. Манаев О., Дорохов., Соснов А., Бурина М. Повышение роли независимых социальных исследований и экспертных сетей в Беларуси// Новости НИСЭПИ. - 2004, № 4.
7. Манаев О., Дорохов., Соснов А., Бурина М. Повышение роли независимых социальных исследований и экспертных сетей в Беларуси// Новости НИСЭПИ. - 2004, № 4.
8. Манаев О., Дорохов., Соснов А., Бурина М. Повышение роли независимых социальных исследований и экспертных сетей в Беларуси// Новости НИСЭПИ. - 2004, № 4.

Поступило в редакцию 19 июня 2005 г.